

Основ. 1821 г.

Годъ LXXXVII.

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

при С.-Петербургской Духовной Академіи

1907

ЯНВАРЬ

СОДЕРЖАНІЕ

- I. Языкъ и стиль въ посланіи къ евреямъ.
Доцента Е. А. Воронцова. 3
- II. Двѣ справки по вопросу о преобразо-
ваніяхъ духовныхъ академій въ
Россіи въ XIX в. Профессора-протоіерея
О. И. Титова 24
- III. Первое вмѣшательство запорожскихъ
казаковъ въ сеймовую борьбу съ
церковной уніей. Профессора П. Н.
Жуковича. 54
- IV. Оправданіе Пастырства. I. Протестантскій
взглядъ на происхожденіе пастырства
съ точки зрѣнія апостольскаго вѣка.
Священника П. М. Кремлевскаго. . . 76

См. стр. 4-ю обложки.

Приложеніе къ «Церковному Вѣстнику».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.

1907.

Письма преосвященнаго Іоанна епископа смоленскаго къ своему другу архимандриту Фотію.

ИЕДАВНО намъ пришлось видѣть подлинныя письма преосвященнаго Іоанна, епископа смоленскаго, къ своему другу архимандриту Фотію, въ бытность преосвященнаго архимандритомъ — инспекторомъ С.-Петербургской духовной академіи (1851—1855 г.), ректоромъ С.-Петербургской духовной семинаріи (1855—1847) и ректоромъ Казанской духовной академіи. Въ этихъ письмахъ ярко выступаетъ личность преосвященнаго, его отношеніе къ современной церковной жизни и къ вѣдомству православнаго исповѣданія, такъ что письма эти вносятъ не только цѣнную долю для біографіи преосвященнаго, но представляютъ интересъ и общаго характера. Вотъ эти письма. Желательно видѣть въ печати и другія.

С.-Петербургъ.
августа 31, 1852 г.

Любезнѣйшій отецъ Фотій.

Много благодаренъ Вамъ за усердіе. Портретъ келейника, нарисованный Вами, кажется, удовлетворителенъ; и я рѣшаюсь взять его къ себѣ. Только теперь нужно прояснить одну статью: на какихъ условіяхъ онъ соглашается служить мнѣ? Нельзя ли Вамъ переговорить съ нимъ объ этомъ? Если онъ будетъ требовать чего-либо особеннаго (напр. большого жалованья и т. п.), то потрудитесь снова описать ко мнѣ. Если же ничего особеннаго онъ не желаетъ, то можетъ отправляться въ Петербургъ. Во всякомъ случаѣ, онъ можетъ быть увѣренъ, что будетъ обезпеченъ во всемъ нужномъ; будетъ

получать и жалованье, и тѣмъ больше, разумѣется, чѣмъ лучше будетъ служить. Нужно еще, чтобы онъ получилъ отъ Консисторіи отпускной билетъ, который, пожалуй, можетъ быть написанъ на мое имя срокомъ примѣрно на одинъ годъ (билетъ для постоянного жительства въ Петербургъ будетъ выданъ здѣсь). Наконецъ, надобно внушить ему три непремѣнныя добродѣтели: послушаніе безпрекословное, воздержаніе безпредѣльное, скромность безусловную. Волосы пусть острижетъ. Что новаго въ великомъ Новѣградѣ? Какъ поживаетъ новый отецъ ректоръ вашъ, эта единственная въ Новѣгородѣ новость, какъ отозвался митрополитъ по возвращеніи изъ Новгорода? Много ли осталось отъ иконы преп. Антонія, что въ паперти Антоніева монастыря, или уже вся скушена православными? Не оказываютъ ли они усердія отвѣдать и камешка, который, помнится, тутъ же лежитъ? Не возвратился-ли Волховъ вспять, какъ во дни оны? и пр. и пр.

Прочитавъ письмо Ваше отъ 1 августа, признаюсь, я таки вдоволь посмѣялся. Вотъ каковъ о. Н. ¹⁾, что люди и тѣмъ его боятся? А вѣдь именно Васъ напугала его тѣнь. Онъ явился здѣсь и исчезъ, какъ тѣнь, когда пріѣхалъ, когда выѣхалъ, гдѣ жилъ, что дѣлалъ, никому неизвѣстно; являлся только по начальству, да между прочимъ удостоилъ меня своего посѣщенія. Видно, что новое перемѣщеніе не совсѣмъ ему нравится. Что касается до отношеній его къ Вамъ, то опасенія ваши совершенно напрасны. Можете быть покойны.

Съ искреннимъ расположеніемъ желаю Вамъ отъ Господа всѣхъ благъ, а меня не забыть прошу въ молитвахъ.

А. Іоаннъ

Р. С. Я желалъ бы, чтобы наша переписка оставалась вѣдомою только между нами. Это гораздо полезнѣе, чѣмъ открывать содержаніе писемъ кому бы то ни было, хотя бы и близкому, повидимому, человѣку. Съ своей стороны, я держусь этого правила. Пожалуйста, примите и вы это къ свѣдѣнію.

24 октября 1853 г.
С.-Петербургъ.

Ваше Высокопреподобіе
Достопочтеннѣйшій отецъ Фотій!

Вотъ Вамъ письмо за письмомъ. Лишь отправилъ предыдущее письмо, какъ случилась новость, которую и спѣшу передать Вамъ по принадлежности. Поздравляю Васъ съ новымъ назначеніемъ на должность ректора Полоцкой семинаріи. Радуюсь за Васъ. Конечно, и Вамъ можно порадоваться за себя. Молю Бога, чтобы Онъ благословилъ новое поприще

¹⁾ Нектарій.

Ваше. А поприще, правду сказать, очень не легкое. Наслышался я объ этихъ ректорскихъ должностяхъ по семинаріямъ. Вѣрно, и Вы имѣете понятіе о нихъ. Берегите же свои нервы и кровь, которыя, какъ Вы сами говорите, и отъ инспекторства довольно портятся. Что же дѣлать? Такова наша служба! Таково наше назначеніе! На новой Вашей службѣ могутъ быть кое-какія неудобства, которыя Вы узнаете на мѣстѣ, а мнѣ теперь не кстати говорить о нихъ.

Съ искреннею преданностію остаюсь навсегда *А. Иоаннъ*.

Р. S. Я, кажется, уже предрекалъ чрезъ кого-то о Вашемъ новомъ назначеніи. Пока еще положено на словахъ. А на Ваше мѣсто въ Новгородъ назначается профессоръ здѣшней семинаріи, іеромонахъ Германъ.

4 мая 1854 г.
С.-Петербургъ.

Много благодаренъ Вашему Высокопреподобію за память о мнѣ и за поздравленіе съ прошедшимъ праздникомъ. Впрочемъ, такъ какъ праздникъ еще не совсѣмъ прошелъ, а только преполовился, то позвольте и Васъ поздравить съ праздникомъ преполовившимся. Радуюсь, что у Васъ все обстоитъ хорошо и благополучно. А если инныя вещи не радуютъ Васъ, то Вы можете найти утѣшеніе въ томъ, что Васъ не радуютъ только такія вещи (разумѣю—дѣла монастырскія и экономическія въ семинаріи), которыя еще никого не радовали съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ на свѣтѣ монастырскія братства и семинарскія экономства. А что въ самомъ дѣлѣ Вы не присылаете въ академическое правленіе отзыва, подобающаго о семинаріи? Пора! Изъ духовно-учебнаго управленія присланъ даже запросъ объ этомъ, который на этихъ же дняхъ и будетъ препровожденъ отсюда къ Вамъ по принадлежности. Для меня этотъ запросъ немножко страненъ потому, что примѣровъ этому еще не было. Ужъ не предугадалъ ли кто Васъ отзывомъ о состояніи семинаріи?... У меня по милости Вышняго, также все обстоитъ благополучно. На Пасхѣ, при переборкѣ вещей въ кабинетѣ Е. В., нечаянно выпала коронка и попала на мой орденъ св. Анны, да тутъ и прицѣпилась. А люди говорятъ, что не бывало академическихъ инспекторовъ съ орденскими коронами. О. Евѣмій Новгородскій получаетъ тоже. Кстати: что же Вы не берете креста, заказаннаго Блюму? Крестъ все еще лежитъ подъ стекломъ въ ожиданіи отъ Васъ денегъ. А не то я распоряжусь самъ и въ одинъ добрый день велю Блюму отправить крестъ по принадлежности, а за деньгами отнестись въ Вашу Консисторію. Вы теперь богатая особа. Имѣя столько денегъ, можно уже оставить несовременный аскетизмъ. Или все еще остается одна ряса, одинъ подрясникъ, одинъ клобукъ и единныя, единственныя четки? Охъ, ужъ эти аскеты! Кстати уже не мѣшало бы оставить у себя и одинъ глазъ

по евангельски, чтобы не слишкомъ ясно видѣть, какова супруга у училищнаго смотрителя, и одну руку, чтобы не брать лишняго жалованья, какъ напр. за монастырское благочиніе. Потрудитесь при случаѣ передать секретарю Вашей Консисторіи г-ну Колтковскому, что рукопись его все еще находится на разсмотрѣніи цензуры (только не у меня) и по правиламъ должна идти въ Синодъ, если, впрочемъ, не будетъ возвращена сочинителю для исправленія. Г. Колтовскій пусть извинитъ меня, что я не отвѣчалъ ему на письмо: я не зналъ и не знаю, куда и какъ адресовать письмо.

Покорнѣйшій А. Іоаннъ.

Р. S. При свиданіи съ преосвященнѣйшимъ Василиемъ прошу испросить мнѣ его благословеніе. Я много обязанъ ему за вниманіе. А Вамъ подобное посредство въ отношеніи къ нему не помѣшаетъ.

7 октября 1854 г.

С.-Петербургъ.

Не знаю, какъ и благодарить Ваше Высокопреподобіе за усердіе Ваше, а за подарокъ... подарокъ... вотъ, если бы Вы прислали мнѣ кусокъ масла съ Вашей монастырской фермы, я бы сказалъ, что принялъ то съ радостію, а за полотно... ну, за полотно также не знаю, какъ и благодарить... Но радуюсь, что вижу въ вашемъ хозяйствѣ домашнемъ и въ вашей личной эстетикѣ прогрессъ. Видно, что человѣкъ хочетъ и начинаетъ жить домкомъ. Въ добрый часъ! Я же не скопидомъ: въ бѣльѣ, какъ и во многомъ другомъ, не знаю ни счета, ни толку. Да и не хочется, правду сказать, заниматься домашнимъ хозяйствомъ. Да и что за хозяйство у нашего брата? И образъ жизни не такой, и дѣла не таковы, и мысли, и сердце не на то обращены. Написалъ бы Вамъ, пожалуй, что-нибудь изъ новостей, да не знаю, какого рода новости особенно Васъ интересуютъ. Скажите мнѣ это напередъ; потомъ я буду запасать и писать такія вещи, какихъ пожелаете. А теперь—нижайшій поклонъ отъ

покорнѣйшаго А. Іоанна.

30 апрѣля 1855 г.

С.-Петербургъ.

Послѣднее письмо Вашего Высокопреподобія напомнило мнѣ, что я еще въ долгу у Васъ: не отвѣчалъ на первое письмо Ваше отъ начала текущаго года. Но тогда, во-первыхъ, я боленъ былъ; во-вторыхъ, въ Москву собирался, а въ третьихъ, по возвращеніи изъ Москвы перебирался въ семинарію. Затѣмъ снова заболѣлъ и не на шутку и провалялся въ постели до половины великаго поста. Вотъ сколько причинъ, которыми можно, по крайней мѣрѣ, извинить мою лѣность писать. Спасибо, что не забыли меня и не гнѣваетесь (?) на мою лѣнь писать. Еще спасибо, что не высказы-

ваете никакого своего мнѣнія о моемъ перемѣщеніи въ семинарію. Ужь мнѣ эти людскія мнѣнія! Глупѣе и гаже тѣхъ скверныхъ капель, которыми наполняла меня медицина во время моей болѣзни. А если, не смотря на то, Васъ сколько нибудь интересуешь мой маршъ изъ Академіи въ семинарію, то скажу Вамъ, что еще слишкомъ годъ назадъ я слышалъ изъ устъ самого митрополита о его намѣреніи сдѣлать меня ректоромъ семинаріи здѣшней, затѣмъ, что ему не нравится и не хочется брать сюда чужихъ, со стороны, людей, ему неизвѣстныхъ; впрочемъ, не на долго... прибавилъ онъ и теперь подтвердилъ, а за нимъ повторили прочія власти. Такимъ образомъ, во время Вашего пребыванія въ Питерѣ я уже считалъ себя ректоромъ семинаріи и даже, помнится, намекалъ Вамъ, а прямо сказать не могъ. Будущее, разумѣется, неизвѣстно и не вѣрно и, словомъ сказать, вилами писано. Не скажу, что я радъ перемѣщенію, а скажу, что по крайней мѣрѣ, не нерадъ. Вамъ извѣстно уже, что сквернѣе инспекторства нѣтъ ничего на свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, нашему—учебному, а жить съ людьми, которыхъ ни любить, ни уважать не можешь, отъ которыхъ и самъ того не ожидаешь, которымъ однако же поневолѣ подчиняться надобно и, не смотря ни на что, даже на то, что и они-то тебя побаиваются, надобно подлежать вліянію ихъ и болѣе, менѣе терпѣть отъ этого вліянія, ей! не сносно! И потому скажу откровенно, что въ послѣднее время въ Академіи я довольно былъ не въ духѣ. Мы съ Вами—москвичи, ерго, понимаемъ другъ друга. Теперь же я спокоенъ духомъ и, можно сказать, наслаждаюсь кейфомъ. Семинарія такъ хорошо устроена, дѣлъ такъ мало, всѣ отношенія такъ порядочны, что если бы не сбылось то „ненадолго“, которое мнѣ сказано и повторено, право, не много было бы печали. Конечъ слову: за Вашу отлично усердную службу желаю Вамъ въ награду С.-Петербургскую семинарію.

А что это у Васъ, какое горе, которое Вы такъ элегически передаете рѣкѣ, протекающей подъ Вашими окнами? Если Вамъ хочется, чтобы рѣка унесла Ваше горе, то сдѣлать это очень легко: стоитъ только плюнуть въ рѣку, и она тотчасъ унесетъ Ваше горе, если только горе Ваше стоитъ плевка. Написалъ бы еще что-нибудь назидательное, да полночь; можно сбредить такое назиданіе, что задать и кувырка подъ столъ, а Вы скажете: сердечный! Экъ его турнули изъ Академіи, что и память потерялъ. Прощайте же. Желаю, чтобы на Вашей улицѣ былъ праздникъ.

Покорный слуга А. Іоаннъ.

3 ноября 1855 г.

С.-Петербургъ.

Вашему Высокопреподобію низжайше кланяюсь. Давно, давно я не получалъ отъ Васъ писемъ и никакихъ свѣдѣній о томъ, что и какъ у Васъ. Не бѣда, конечно. Но иногда не

мѣшаетъ перекинуть другъ другу письмо, чтобы имѣть свѣдѣнія другъ о другѣ непосредственныя вмѣсто всѣхъ посредственныхъ, которыхъ вообще я терпѣть не могу. Доселѣ я не получалъ ни отъ кого такихъ посредственныхъ извѣстій о Васѣ, и этому радовался: это знакъ, что у Васѣ все обстояло благополучно. Только съ недавняго времени пошли вѣсти... Пойдите, не сердитесь: Ваша рѣчь впереди. Въ нынѣшнее лѣто, возвратившись изъ знакомой Вамъ Твери (не легкій понесъ меня туда!), вдругъ отъ нѣкоторыхъ, довольно значительныхъ лицъ, слышу сказанія о Полоцкомъ ректорѣ. Вотъ де-новый, молодой ректоръ Полоцкой семинаріи отличается: архіерея своего знать не хочетъ и, какъ говорится, въ усъ не дуетъ; профессоровъ семинаріи всѣхъ забилъ подъ свой каблукъ и топчетъ въ грязь; на всѣхъ и на все плюетъ и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Если бы шла рѣчь о комъ другомъ, я, можетъ быть, и не повѣрилъ бы, можетъ быть, и повѣрилъ бы; во всякомъ случаѣ пропустилъ бы мимо ушей. Но когда рѣчь объ о. Фотіи, скажу, не обинуясь: я повѣрилъ; повѣрилъ потому, что слышалъ о москвичѣ. Да! во всемъ этомъ явенеъ москвичъ. Это мать родная, Москва, Москва—такъ, какъ она есть, въ натурѣ. Хочу сказать то, что о москвичахъ отъ немосквичей ничего иного услышать нельзя; наша московская правдивость, строгость мыслей, неспособность разсыпаться мелкимъ бѣсомъ, неумѣніе хвалить дураковъ, уважать подлецовъ, неохота заискивать личныя благосклонности, откровенность, неперемонность, неліцемеріе, необщительность, привычка знать себя, дѣлать свое дѣло по совѣсти и крайнему разумѣнію, а на все прочее смотреть свысока, вмѣняя все въ уметы,—эти наши несчастныя московскія добродѣтели въ нашемъ свѣтѣ (темномъ) слывуть за гордость, грубость, мизантропію, злость, дерзость, неуживчивость; оттого нашему брату москвичу ничего не встрѣтить по службѣ, кромѣ ненависти и интригъ всякаго рода: самый умъ нашъ считается за буйство противъ чужого ума; самыя ласки наши принимаются съ презрѣніемъ; самымъ добромъ нашимъ гнушаются. Все это говорю потому, что все это слишкомъ выпало на мою долю. Итакъ, слыша сказанныя рѣчи о Васѣ, я сразу понялъ, въ чемъ дѣло. И хотѣлъ было написать: ей, москвичъ, берегись! Вы не въ столицахъ служите; въ столицахъ намъ не легко достается, но, во-1-хъ, въ столицѣ всякій подлецъ боится за себя и, слѣдовательно, не много можетъ сдѣлать честному человѣку; во-2-хъ, въ столицахъ высшія власти; онѣ будутъ смотрѣть на Васѣ съ презрѣніемъ, будутъ унижать вашу личность, въ крайнемъ случаѣ—выпроводятъ васъ отъ себя, но уже никакъ не захотятъ марать рукъ... Словомъ, въ столицѣ все почище, чѣмъ въ провинціи. Но провинція! Боже мой, я подумаю, что было бы со мною въ провинціи? Я погибъ непременно. Въ провинціи ничего, кромѣ грязи, и Васѣ втопчуть въ грязь въ

полномъ смыслѣ; въ провинціи смотрятъ на Васъ свыше только два глаза, и то, можетъ быть, больные или близорукіе, или одинъ зрячій, а другой совсѣмъ слѣпой. Тамъ слушаютъ только два уха, изъ которыхъ одно, можетъ быть, слишкомъ крѣпко (на добро), а другое слишкомъ чутко (на зло). Вотъ что я хотѣлъ написать Вамъ, но не написалъ потому, что отчасти хотѣлъ еще подождать; что услышу; отчасти отъ Васъ самихъ ожидалъ вѣрныхъ свѣдѣній. Вдругъ—послужной списокъ Вашъ за настоящій годъ: поведенія изряднаго! Ради Христа—что это значить? Я не удивлюсь жестокости людей, которые и въ томъ находятъ справедливость и радость себѣ, чтобы марать честь и подкапывать судьбу другихъ, но я не думалъ, что дѣло можетъ зайти такъ далеко. Какое тутъ поведеніе разумѣется? Личныя отношенія? Я такъ думаю. Пожалуйте, не гнѣвайтесь и не сѣтуйте на меня, что я привязываюсь къ Вашимъ дѣламъ: Вы можете понять отъ чего это происходитъ. Намъ, и особенно намъ, москвичамъ, надобно беречь другъ друга. Не полѣнитесь написать мнѣ все, во всей точности и подробности. А пока я вамъ скажу, что вслѣдствіе отзыва Вашего Архипастыря академическое правленіе представило оберъ-прокурору съ согласія митрополита, о перемѣщеніи Васъ на другое мѣсто службы. Я подписывалъ также это представленіе въ томъ убѣжденіи, что это лучше для Васъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. Только настоящій оберъ-прокуроръ какъ-то строго, и очень строго смотритъ на подобныя вещи. Отставка ректоровъ, посылка въ монастыри даже безъ прошенія нынѣ ни почему. Теперь есть ректорская вакансія въ Екатеринославѣ (если впрочемъ уже не назначенъ кто-нибудь) и, кажется будетъ въ Твери. Но въ Тверь едва ли Вы сами захотите. Конецъ слову: предадимся Господу, а пока тише, тише, тише!

Преданнѣйшій землякъ.

P. S. Не замедлите, пожалуйста, написать письмецо: это не для любопытства моего, а для утѣшенія взаимнаго, а можетъ быть—и пользы. Не худо, если это писаніе мое по прочтеніи будетъ уничтожено.

19 января 1856 г.
С.-Петербургъ.

Ваше Высокопреподобіе!

Съ новымъ годомъ!.. Да можетъ ли быть что-нибудь не-лѣпѣе поздравленія съ новымъ годомъ? Вѣдь это значить поздравлять со всѣми тѣми глупостями, непріятностями, скорбями, бѣдами, смертями, чертями, какихъ принесетъ новый годъ! А если не принесетъ? Ну, такъ надо поздравлять съ прошедшимъ годомъ, какъ счастливымъ, а не наступающимъ, неизвѣстнымъ. Итакъ, я имѣю честь поздравить Васъ вовсе не съ новымъ годомъ, а съ старымъ, прошедшимъ.

изъ котораго Вы вышли живы и здоровы, цѣлы и невредимы. Что до меня, не знаю, какъ сказать, сижу у моря (или вѣрнѣе у грязной канавы; море-то отъ меня не близко), да жду погоды. А Господь знаетъ, какова будетъ погода; повѣтъ ли вѣтромъ и тихонько пригонитъ мою ладью къ берегу вожделѣнному, или внезапно возстанетъ буря и выброситъ куда-нибудь на гору, на островъ или просто перекувырнетъ. Мало-по-малу я дѣлаюсь фаталистомъ и начинаю вѣрить въ судьбу. Судьба—загадочная вещь; да и безъ судьбы ничего не поймешь.

Въ Петербургѣ много новаго, а вѣрнѣе ничего новаго нѣтъ. Новыя лица на всѣхъ инстанціяхъ и по всѣмъ вѣдомствамъ. А затѣмъ все по старому. О, старина блаженнотворная и снотворная! О старые люди на новыхъ мѣстахъ! Высказываются, пожалуй, нѣкія какъ будто идеи, даже будто и движеніе затѣвается. Да что идеи? Я поклонюсь въ ноги тому, у кого есть идеи, да скажду: пожалуй, батюшка! Идей-то по-меньше, а вотъ добра то, 'добра-то побольше; да будь самъ-то добръ, да справедливъ; да умѣй людей то цѣнить, да выбирать: вѣдь вотъ гдѣ настоящія идеи, идеи добра, истины, изящнаго. Движеніе? Ну и движеніе всяко бываетъ: вотъ примѣрно, я лежу на боку, да перевернулся на другой бокъ: вотъ и движеніе. Пошелъ было сегодня вечеромъ гулять, да поскользнулся и чуть задомъ кувырка рыломъ въ снѣгъ: ну и это движеніе! О-о-о! Охъ-охъ! Охъ-охъ-охъ! Какъ поетъ одинъ изъ членовъ Св. Синода. Прощайте, да не гнѣвайтесь, что рѣдко пишу; сами не пишете.

А. Иоаннъ.

А скажите-ка своему Владыцѣ, что такой-то (имя рекъ), молъ, проситъ Вашего благословенія. Если преподастъ, прошу оставить у себя въ знакъ сердечнаго расположенія. Мнѣ хочется задать Вамъ тему для разсужденія, пожалуй, на степень доктора: отчего москвичи (всѣ вообще) не слишкомъ-то счастливы на извѣстныхъ поприщахъ?

21 сентября 1857 г.

Казань.

Ваше Высокопреподобіе!

На одной недѣлѣ я получилъ отъ Васъ два письма: одно отъ 19 апрѣля, которое прогулялось въ С.-Петербургѣ, да не заставъ меня дома, не преминуло навѣстить меня въ Казани; другое отъ 24 августа. За оба, особенно послѣднее, поклонъ Вамъ до земли. Да, брате, судьба бросила таки меня въ Казань. И именно судьба, а не другое что. Я уже давно предугадывалъ эту судьбу, и мое новое назначеніе вовсе не было для меня неожиданнымъ. Дѣло въ томъ, что преосвящ. Григорій, съ которымъ я издавна былъ близко знакомъ, пытался перетащить меня въ казанскую академію

каждый разъ, какъ открывалась ректорская вакансія. Но тогда были люди, которые не хотѣли отпустить меня. Таковы были: митрополитъ Никаноръ, графъ Протасовъ, Карасевскій. Ну, я и оставался благополучно въ Питерѣ. Но судьбѣ было угодно, чтобы я былъ въ Казани: и вотъ митрополитъ Никаноръ умираетъ. Является на петербургской митрополи тотъ, кому хотѣлось препроводить меня въ Казань и которому, надобно еще замѣтить, казанская академія, какъ свое дѣтище, милѣе и дороже всего Петербурга. Ergo—и маршъ въ Казань; и прибылъ я туда 4 апрѣля сего 1857 года. Не судьба ли это? Вѣдь поневолѣ сдѣлаешься фаталистомъ. Итакъ неодолимо проявилось это *fatum*, что сами начальствующіе искренно сожалѣли обо мнѣ; однако-жъ рѣшили ѣхать мнѣ въ Казань и только. За то и я не поскупился на откровенность: говорилъ всѣмъ и каждому изъ нихъ, что я назначеніемъ недоволенъ. На это сколько утѣшеній было, комплиментовъ, обѣщаній! Но утѣшеніямъ ихъ цѣну я знаю, комплименты презираю, а обѣщаніямъ немного вѣрю. Впрочемъ, одни изъ обѣщаній уже выполнены, какъ напр. орденъ Владиміра 3-й степени (о которомъ, Вы, вѣроятно, не слышали, такъ какъ не поздравляете), другія, какъ напр., полномочіе въ управленіи Академіи и исполненіе всѣхъ представленій исполняются; третьи—впереди. Глупо и смѣшно было бы съ моей стороны увѣрять, что я не скучаю; скучаю, только не слишкомъ; даже меньше, чѣмъ предполагалъ. Академія по-немногу устрояется; худаго въ ней ничего нѣтъ; народъ хоть не далекій, но скромный и послушный, такъ что я живу совершенно спокойно. Такимъ образомъ, я день поскучаю, два—ничего; такъ себѣ. Одно плохо—здоровье. Климатъ здѣсь глупѣйшій; не раскусилъ его вначалѣ. Я съ первыхъ чиселъ мая свалился въ постель и не на шутку; провалялся до іюля; потомъ какъ будто оправился, а теперь опять микстура, да капли, да пилюли. Пришла одна бѣда—отворяей ворота! А какъ подумаешь, да подумаешь хорошенько *beatus ille, qui procul negotiis, ut prisca mortalium gens, etc.* Знаете-ли что? Послужимъ-ка еще, да посмотримъ, что будетъ. Если не будетъ лучше, пойдемъ настоятельствовать въ монастыри. Ей, ей, чудесно! И сытъ и пьянъ; и плѣшъ и брюхо; и спишь и... все, сколько хочешь. А дай-ка намъ Донской или Симоновъ или хотъ Новоспасскій, котораго иноковъ покойный Симоновскій арх. Мелхиседекъ называлъ голопузыми потому, что у нихъ только по одной, а у его симоновскихъ по четыре: да я вотъ какъ заживу! Самому Ф. шишъ изъ кармана покажу. А если Вы, бывши архіереемъ, осмѣлитесь идти на покой, да ко мнѣ въ монастырь, такъ я такого форса задамъ предъ Вашимъ преосвященствомъ! Что? Каковы мечты? Угадайте, что въ этихъ мечтахъ: фантазія ли, все презирающая, или хандра неисходная, пожирающая душу. Да, отецъ! Приходится утѣшать себя и такими вещами. А что въ Питерѣ—

то дѣлается? Ректоромъ Академіи сдѣланъ человѣкъ, котораго десять лѣтъ назадъ, по неспособности быть бакалавромъ, вывели изъ Академіи въ іерусалимскую миссію въ число братства, и котораго, по возвращеніи оттуда черезъ семь лѣтъ (іеромонахомъ) изъ милости сдѣлали ректоромъ олонеккой семинаріи, потомъ признали за лучшее опять переслать на востокъ въ Константинополь, гдѣ однако-жъ онъ оказался не совсѣмъ способнымъ быть настоятелемъ миссіи. И теперь этотъ—ректоръ Академіи. Это что? Судьба? Не знаю, что изъ этого выйдетъ, сказалъ мнѣ на-дняхъ бывшій здѣсь оберъ-прокуроръ нашъ гр. Толстой. Хорошо! Да еще у меня вздумалъ спрашивать мнѣнія объ этомъ. Какъ Вамъ покажется? Не есть ли это самая злая насмѣшка судьбы надо мною?

Засимъ А. Кириллъ назначенъ начальникомъ іерусалимской миссіи—въ санѣ епископа. Ну, я бы не поѣхалъ, а Васъ бы послалъ... Такая-то фантазмагорія у насъ предъ глазами. А мы... ну мы будемъ сидѣть у моря, да ждать погоды. А можетъ, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

Принцъ Ольденбургскій, бывши здѣсь въ половинѣ сентября, былъ въ восторгѣ отъ устройства Академіи, а Оберъ-Прокуроръ нашелъ даже роскошь. Знай нашихъ! Что это такъ наэлектризовало Васъ, статья о вѣрѣ въ Собесѣдникѣ? Статья—comme il faut и больше ничего. А такъ какъ Вы, милостивый государь, восхитившись этою статьею, добиваетесь узнать, кто ея авторъ, и не предполагаете даже, что она можетъ быть моя, то въ наказаніе за это не скажу, кто авторъ. Кстати. На будущій годъ предполагаю издавать Собесѣдникъ ежемѣсячно. Матеріаловъ нужно будетъ много. Не хотите ли принять участіе? Помнится, Вы говорили, что у Васъ есть кое-что, аки бы и къ печати, кажется, изъ пастырскаго богословія. Давайте, пропечатаемъ.

Весь Вашъ А. *Іоаннъ*.

Сожгите это письмо поскорѣе. Да пишите ко мнѣ чаще. Ваши письма всегда приносятъ мнѣ много утѣшенія и удовольствія.

PS. Здѣсь проѣзжалъ въ Иркутскъ Вашъ о. Владиміръ. Посмотрѣлъ я на него: ну—только и жить ему въ Сибири. Тамъ берлогъ медвѣжьихъ много; въ любую забивайся, а ужъ медвѣдь-медвѣдь.

Свящ. Н. Романскій.